

Оригинальная статья
УДК 130.122
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-19-33>

Отчужденные модусы интеллекта и их критика: от компьютоцентризма и нейроцентризма к внутренней социальности

Антон Игоревич Желнин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
zhelnin@psu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6368-1363>

Введение. «Интеллект» является нечетким понятием с множеством коннотаций. Для построения теории интеллекта необходим философский анализ его общей сущности, который предполагает критику превратных способов его понимания.

Методология и источники. Исследование основано на генетическом подходе, критическом анализе и системном диалектическом методе. Первый помогает раскрыть «бэкграунд» того или иного концепта, траекторию его становления, второй – вскрыть его концептуальную нерелевантность, третий – выделить при этом ценные стороны концепции и в конечном итоге предложить целостное видение интеллекта, которое «снимает» в себе отчужденные модусы.

Результаты и обсуждение. Двумя основными отчужденными модусами интеллекта являются компьютоцентризм и натурализм, причем они могут иметь узкие и широкие варианты. В узкой версии компьютоцентризм есть логоцентризм. В расширенных вариантах он продолжает трактовать интеллект как вычислительный феномен, но уже рассматривая его в том числе через призму символической репрезентации и языка. В свою очередь в узком плане натурализм есть нейроцентризм, понимание интеллекта как феномена мозга, в широком – это расширение интеллекта в телесном измерении, а затем и в социокультурном посредством его натурализации. Эти модусы могут образовывать гибридные формы, что и показано на примере искусственных нейронных сетей.

Заключение. Обоснована недостаточность обоих подходов и симплификация понимания интеллекта в них. В противовес предлагается рассматривать интеллект в оптике нередукционистически понятой социальности. В этом подходе логика, информация, мозг и тело являются необходимыми, но недостаточными основаниями интеллекта. Показывается, что интеллект полноценно формируется и функционирует в совместной коммуникативной, а главное проективной, созидательной деятельности людей. Поэтому индивидуальное и коллективное пребывают в нем в нерасчлененном единстве.

Ключевые слова: интеллект, компьютоцентризм, нейроцентризм, натурализм, социальность, коллективный интеллект, искусственный интеллект

Для цитирования: Желнин А. И. Отчужденные модусы интеллекта и их критика: от компьютоцентризма и нейроцентризма к внутренней социальности // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 5. С. 19–33. DOI: [10.32603/2412-8562-2025-11-5-19-33](http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-19-33).

Original paper

Alienated Modes of Intelligence and Their Critique: from Computocentrism and Neurocentrism to Inner Sociality

Anton I. Zhelnin

*Perm State University, Perm, Russia,
zhelnin@psu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6368-1363>*

Introduction. Intelligence is a fuzzy concept with many connotations. To construct a theory of intelligence, a philosophical analysis of its general essence is required, involving a critique of its distorted interpretations.

Methodology and sources. The study emphasizes the genealogical method, critical analysis, and systemic dialectical method. The first uncovers the «background» and the trajectory of each concept's formation. The second exposes their conceptual irrelevance. The third highlights the valuable aspects of the concepts of and ultimately offers a holistic understanding of intelligence.

Results and discussion. The two main alienated modes of intelligence are computocentrism and naturalism, each of which may appear in both narrow and broad versions. In the narrow version, computocentrism is logocentrism. In its broader forms, computocentrism continues to interpret intelligence as a computational phenomenon, but through the prism of symbolic representation and language. The narrow version of naturalism is neurocentrism, which understands of intelligence as a phenomenon of the brain. In a broader sense, it expands intelligence into the corporeal dimension and, subsequently, into the socio-cultural one through naturalization. These modes may take hybrid forms, as illustrated by the example of artificial neural networks.

Conclusion. The insufficiency of both approaches and their simplifications of intelligence are demonstrated. In contrast, it is proposed to consider intelligence through the lens of a non-reductionist understanding of sociality. Within this framework, logic, information, the brain, and the body are necessary but insufficient foundations of intelligence. Intelligence is shown to function in joint communicative and, more importantly, projective and creative human activity. The individual and the collective therefore reside in it in an inseparable unity.

Keywords: intelligence, computocentrism, neurocentrism, naturalism, sociality, collective intelligence, artificial intelligence

For citation: Zhelnin, A.I. (2025), "Alienated Modes of Intelligence and Their Critique: from Computocentrism and Neurocentrism to Inner Sociality", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 5, pp. 19–33. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-19-33 (Russia).

Введение. Интеллект – одна из наиболее емких категорий, призванных характеризовать мыслительную активность человека. К. Малабу полагает, что «научное формулирование понятия интеллекта в начале девятнадцатого века породило один из самых значительных теоретических споров в современности» [1, р. 1]. Одной из особенностей этого понятия является его современность и, более того, своевременность, которая, однако, сплетена с длительной рационалистической традицией, восходящей к средневековым схоластам и далее к Аристотелю. Такая генеральная линия однозначно трактует интеллект как способность к абстрактному мышлению, рассуждениям и выводам, познанию посредством них сущности вещей. Он видится как ядро сознающего «Я», скрепляющее воедино его прочие проявления, как, в конечном счете, основание человеческого субъекта, которое необходимо поддерживать а противостоящие ему факторы – максимально нивелировать: «Разум в его собственном

смысле как logos или ratio всегда был сущностно соотнесен с субъектом, с его способностью мышления. Все термины, его обозначающие, некогда были связаны с субъектом... разум считается интеллектуальной способностью координирования, эффективность которой может быть увеличена посредством методического использования и устранения таких внеинтеллектуальных факторов, как осознаваемые или неосознаваемые эмоции» [2, с. 12, 14].

В противовес такой определенности современное понимание интеллекта переживает целый ряд «сдвигов» и «разрывов». Интеллект оказывается нечетким понятием с расплывчатыми границами объема и плюрализмом трактовок содержания: «Мы должны осознавать, что интеллект – это описательный термин: он описывает определенные свойства людей или группы лиц. Описательные термины во многом произвольны, и поэтому маловероятно, что описательные определения сложных идей могут удовлетворить всех» [3, р. 5]. Очевидно, что полноценная теория интеллекта требует перехода от дескрипций к объяснительным конструкциям, предполагающим в том числе философский анализ его эссенции. Последний в свою очередь должен включать критику отчужденных модусов понимания интеллекта.

Методология и источники. Исследование интеллекта и его отчужденных модусов осуществляется прежде всего с помощью генетического, критического, системного и диалектического методов, которые позволяют обнаружить истоки тех или иных концептов, вскрыть ошибки и противоречия в них, удержав и обобщив позитивное содержание. Объектом критического анализа выступают прежде всего современные подходы к интеллекту (не только чисто философские, но и конкретнонаучные), однако для их объяснения задействуется также материал классических философских позиций, демонстрируется преемственность между ними.

Результаты и обсуждение. Комьютоцентрический модус интеллекта и его критика. Первый превратный модус понимания интеллекта заключается в том, что он представляется как вычислительный феномен. Обозначим его как *комьютоцентризм*. В его контексте интеллект оказывается не тождественен сознанию человека, а в пределе даже противопоставлен ему, так как в отличие от него якобы представляет собой феномен «третьего лица»: «Интеллект ищет алгоритм повторяющегося. В человеческой реальности всегда можно найти алгоритмическую часть и неалгоритмическую. Первая является интеллектуальной, сопряженной со знанием, вторая – сознательной» [4, с. 26]. В итоге интеллект начинает мыслиться как нейтральная безличная система, которая вполне может быть воспроизведена на иных, отличных от человека носителях. «Крещендо» этот подход достигает в теории искусственного интеллекта (далее ИИ): «ИИ представляет собой попытку моделирования разумного поведения человека с помощью таких методов программирования, которые не имеют или почти не имеют сходства с мыслительными процессами человека» [5, с. 29]. Действительно, реализуясь на основе современным цифровых компьютеров и их сетей, передовые формы ИИ в общем и целом остаются продуктом реализации больших синтаксических последовательностей программного кода: «Создание искусственного интеллекта – это борьба за разработку наилучшей возможной программы агента в данной конкретной архитектуре» [6, с. 1249].

Почему становится возможен подобный взгляд? Дело в том, что идея воспроизведения человеческого интеллекта вычислительной машиной подпитывается особым взглядом на

самого человека. Их уравнивание становится возможным, так как сложные человеческие способности (мышление, целеполагание, выбор, принятие решений) также полагаются по своей сущности вычислительными. Как показал Х. Дрейфус [5], такой взгляд вызревал долгое время в Европейской мысли: его зачатки обнаруживаются еще в Античности, в Платоновской апологии универсалий и математики, в Аристотелевских логике и гилеморфизме, а явные манифестации – в рационализме Р. Декарта и Б. Спинозы, абсолютизирующем роль строгой дедукции, в учении Т. Гоббса о мышлении как процессе калькуляторных операций и в проекте Г. Лейбница по созданию общего формального языка и приданию рассуждению точной символической формы.

В XX в. подобные взгляды актуализировались в новых обличьях. Прежде всего было практически показано, что логика, долгое время считавшаяся остовом человеческой рациональности, может быть объективирована в работе и самом строении особых устройств (контактно-релейных схем, а затем компьютеров). Бинарный компьютерный код становится физическим воплощением логических истины и лжи, принципы же его обработки оказываются разлагаемы на булевые операции типа «и», «или», «не», что позволило представить компьютер как логическую машину: «Цифровые компьютеры в основном представляют собой очень сложные структуры простых переключателей, которые либо включены, либо выключены... Компьютеры стали использоваться для имитации логического мышления. Мы будем называть компьютеры, используемые таким образом, “логическими машинами” или “машинами вывода”» [7, p. 53]. Несмотря на то что Дж. фон Нейман полагал, что конвенциональный компьютер является гибридным устройством, состоящим из сообщающихся логической и арифметической частей, последняя оказывается производной, так как все числа и арифметические процедуры кодируются за счет логических операций в пределах двоичной системы [8, p. 10].

Главным фундаментом компьютерной революции стал перевод информации и операций с ней в цифровой формат. В основе понятия «цифровой» лежит концепт вычисления, который емко схватывает принцип функционирования современных компьютеров, но остается во многом неясным с философской стороны. В итоге вычисление подчас трактуется широко, что позволяет переносить его на иные феномены. П. Черчленд и Т. Дж. Сейновски определяют вычисление посредством его отождествления с репрезентацией, т. е. по сути, со знаковостью: «Мы можем рассматривать физическую систему как вычислительную систему, когда ее физические состояния можно рассматривать как репрезентирующие состояния некоторых других систем, где переходы между ее состояниями можно объяснить как операции над репрезентациями» [9, p. 62]. Похожего мнения придерживается Д. Чалмерс, предлагая объяснить вычисления через понятие «имплементация»: «Система имплементирует вычисление, если можно установить такое соответствие между состояниями этой системы и вычислительными состояниями, при котором каузально соотнесенные физические состояния соответствуют формально соотнесенным формальным состояниям» [10, с. 395]. Такая абстрактность позволяет уравнивать в данном аспекте системы различных онтологических уровней: людей, компьютеры, организмы, якобы представляющие собой различные «вычислительные архитектуры» [6, с. 1249]. Компьютационализм является более «тонкой» версией Гоббсовского прочтения мышления как семиотического процесса, калькуляторно

оперирующего знаками. В пределе речь идет об отождествлении человеческого разума с машиной наподобие машины Тьюринга, являющейся конвенциональным образом универсального вычисляющего устройства. Х. Патнэм писал, что «машиной Тьюринга может быть всё, что с течением времени может проходить через последовательность состояний» [11, с. 73]. Однако реальным прототипом машины для самого Тьюринга послужил живой вычисляющий человек: «Его ранняя и по сей день доминирующая модель вычислений исходила из рассмотрения внешне наблюдаемого поведения человеческого компьютера, человека, который выполняет вычисления с помощью ручки и бумаги и “должен следовать фиксированным правилам”» [12, р. xiii-xix].

Такова первая аберрация (т. е. концептуальное искажение): вычисление, имея антропологический прототип, было затем оторвано от человека и воплощено в особой технике, так что теперь именно она стала считаться образцом вычислительной системы: «Развитие вычислительных технологий в XX–XXI вв. привело к так называемой артификации мышления человека как его природной способности. Теперь естественное воспроизводится искусственно» [13, р. 74]. Эта инверсия была во многом фундирована описанной объективацией логики, которая заложила принципы физической реализации вычисления в компьютерах и одновременно создала иллюзию, что машина рассуждает и умозаключает. Однако логика сама есть только искусственная и идеализированная модель реального рассуждения человека [14, с. 35]. Чересчур тесная привязка интеллекта к логике и вычислениям в итоге обернулась его концептуальной машинизацией. На самом же деле любое рассуждение включает личностные, неформализуемые пласти. Интеллект не связан «только с формально понятым логицизмом... творческий акт включает весь опыт личности, а потому способность к рассуждению как познавательному механизму – более содержательная характеристика интеллекта, чем чисто рационалистическая способность к логическому выводу» [15, с. 37]. В итоге оказывается, что само вычисление есть антропологически и социокультурно нагруженный процесс, а машинное вычисление – лишь его упрощенная копия, эксплуатирующая сравнительно небольшой фрагмент универсума реального мышления.

Лингвистическая версия компьютоцентризма. Попытки преодолеть логоцентризм ссылками на фундирование интеллекта человеческим языком наталкиваются на иной вид компьютоцентризма, который можно определить как лингвистический. Язык также подвергается описанной инверсии, когда естественный язык начинает рассматриваться по аналогии с искусственными языками. Возникает иллюзия, что он формализован по строгим правилам синтаксики, семантики и дедуктики. В итоге человеческий язык трактуется с привлечением машинных терминов: «В обычных языковых системах конечными устройствами оказываются специфические машины, именуемые человеческими существами. Человек как конечное устройство включен в коммуникативную сеть... человеческий интерес к языку является врожденным интересом к шифрованию и дешифрованию» [16, с. 82, 88]. Если отцы кибернетики признавали за языком коммуникативные функции, по сути отождествляя их с информационной трансмиссией, то Н. Хомский восстает против трактовки языка как средства общения, утверждая за ним прерогативу быть когнитивным средством мышления. Однако последнее низводится им до системы эффективных вычислительных процедур: «Язык создан для эффективных вычислений и для выражения мысли, но вызывает проблемы при

использовании, в частности при коммуникации... мы образно говорим “создан”. Речь о том, что простейший эволюционный процесс, согласующийся с базовым свойством человеческого языка, предлагает систему мышления и понимания, которая оказывается эффективной для вычислений» [17, с. 178]. Между тем теория генеративной лингвистики демонстрирует, что компьютероцентризм вполне может обнаруживать природное измерение в понимании языка как особого врожденного свойства. Даже наиболее лингвистически ориентированные его формы, фундированные «языковым поворотом», демонстрируют такую подоплеку. Не зря Л. Витгенштейн утверждал, что «повседневный язык есть часть человеческого организма, не менее сложная, чем прочие составляющие» [18, с. 34], а К. Поппер рассматривал язык в качестве крупнейшего эволюционного средства выживания и адаптации человека, позволяя «его гипотезам умирать вместо него» [19].

Таким образом, компьютероцентризм во многом обнаруживает собственную недостаточность. По сути он является механицизмом «в новых одеждах», так как пытается описать интеллект в абстрактной символической форме и затем воспроизвести в системах физико-технического уровня. П. Н. Барышников полагает, что вычислительный подход является по своему существу ограничительным, так как пытается моделировать свойства онтологически вышележащих уровней: «Все ограничения вычислительных подходов в основании имеют уровни сложности объектов (на которые они направлены), которые всегда будут сложнее, чем их вычислительные модели... Иными словами, вычисление есть ограничение» [20, с. 126]. Вычислительный функционализм ошибочно недооценивает субстратную подоплеку, всецело концентрируясь на формально-символьной стороне. В итоге «кремниевые» машины, несмотря на рост плотности транзисторов и вычислительных мощностей, не привели к появлению полноценного (общего) интеллекта.

Нейроцентрический модус интеллекта и его критика. Обнаружение лимитов компьютероцентризма закономерно привело к усилению альтернативной парадигмы в понимании интеллекта. Данный второй модус трактует его как принципиальное свойство живых систем и результат их развития, так что его можно маркировать как биоцентризм или шире – натурализм. Натуралистический подход начал разворачиваться в XIX в., что связано со становлением фундаментальных биологических теорий и их активной рецепцией философскими системами. Сам Ч. Дарвин заложил его основы, предлагая рассматривать человеческий разум и более простые формы ментальной активности животных как различающиеся не качественно, а количественно, в степенях. Это мотивировало, например, Д. Деннета пересмотреть свой машинный функционализм и признать градацию форм психики в живой природе: «Давайте рассмотрим исторический, эволюционный путь. Психика существовала не всегда. У нас есть психика, но и мы существовали не всегда. Мы произошли от существ с простой психикой (если это была психика), которые произошли от еще более простых претендентов на психику» [21, с. 25]. В такой мотивации интеллект предстает вершиной развертывания психики, в то же время сохраняя преемственность с нижележащими формами, подобно тому как человеческий организм состоит из более простых одноклеточных существ.

Вместе с тем приоритет в плане биологического субстрата интеллекта в целом сохраняется за мозгом: «Сознание есть биологическое свойство мозга. Оно причинно обусловлено нейробиологическими процессами и в той же степени является частью естественного

биологического порядка, как и любые другие свойства вроде фотосинтеза, пищеварения или деления клетки» [22, с. 99]. Интеллект, уже понимаемый как сторона сознания, также трактуется как эмерджентный продукт нейронной активности. Такой вид натурализма можно определить как *нейроцентризм*. Однако он достаточно быстро обнаружил свой компьютерионалистский базис, так как во многом был мотивирован пониманием нервной системы как информационно-вычислительной формации: «Очень заманчиво считать нервную систему (как вегетативную, так и добавившуюся к ней позже центральную) информационной сетью, которая через специальные узлы – датчики (или входные устройства) и эффекторы (или выходные устройства) – связана с реалиями тела» [21, с. 75]. Этот подход восходит к работе Дж. фон Неймана «Вычислительная машина и мозг». Однако сам он допускал, что такой взгляд может быть порожден оптической иллюзией, а именно смешением онтологического и гносеологического плана, когда логико-математический язык, удобный для описания мозга, может гипостазироваться как реальный принцип его функционирования: «Внешние формы нашей математики не абсолютно релевантны с точки зрения оценки того, какой математический или логический язык на самом деле используется центральной нервной системой... какой бы ни была система, она не может не отличаться значительно от того, что мы сознательно и явно считаем математикой» [8, р. 83].

Однако эта аберрация глубоко укоренилась. Это связано прежде всего с успехами в практической реализации вычислительного описания нейронной активности. Генеалогически она восходит к пионерской модели МакКаллока и Питтса, которая была подчеркнуто логоцентристической [23]. В современную эпоху бурный прогресс демонстрируют «наследники» этой модели – искусственные нейронные сети (ИНС), – являясь одновременно самыми продвинутыми и самыми «био-вдохновленными» формами ИИ. Теория ИНС построена на идеологии *коннекционизма*, предполагающего распределенный характер и постоянную кооперацию элементов, осуществляющих интерактивное обучение за счет перераспределения количественных «весов» и действия механизмов обратной связи (прежде всего метода обратного распространения ошибки). Происходит абсолютизация сетевой организации и параллельной обработки информации, моделирующей синаптическую трансмиссию, однако сами элементы кардинально упрощаются: «Искусственный нейрон остается инсубстанциальной тенью настоящего нейрона... Сложность нейрона должна быть агрессивно урезана, чтобы прорваться через биологические тонкости» [24, р. 88]. Модель глубоко не соответствует природному оригинал: искусственный нейрон онтологически обращается в точечный «узел», будучи по сути функцией зависимости output-ов от input-ов.

Вместе с тем оригинал и модель вновь подвергаются инверсии, так что нервную систему предлагают рассматривать с позиции коннекционизма. Возникают идеи, что изучая ИНС, можно глубже понять работу мозга [25], и что ИНС должны «вернуться» в свой прототип, образовав гибридные системы интеракции «компьютер-мозг» [26]. К. Малабу, отмечая ниспровержение концепта мозга как классической вычислительной машины («кибернетический домен»), отмечает становление особых «синаптических машин» («церебральный домен»): «Долгое время я считала, что нейронная пластичность запрещает любое сравнение “естественного” мозга с машинами, особенно с компьютерами. Однако последние достижения в области искусственного интеллекта, особенно разработка “синаптических” чипов,

бросили серьезный вызов этой позиции. Теперь уже невозможно определить отношения между биологической и символической жизнью, не принимая во внимание третий тип жизни, который является симуляцией жизни» [1, р. xvii]. Возникает иллюзия, что за счет аппроксимирующей имитации ключевых физиологических процессов мозга (возбуждение и торможение, модуляция синапсов, нейропластичность) ИНС способны реализовывать ментальные феномены. Это приводит к редукционизму в отношении человеческого сознания и интеллекта. Дж. Леду констатирует, что якобы само человеческое «Я» является синаптическим [27]. Если интеллект как сторона сознания есть гибкая система синаптической передачи, то не остается никакого препятствия для его эмуляции на современных био-вдохновленных формах ИИ. Однако даже если бы это было верно, естественные сети мозга глубоко нетождественны ИНС. При создании последних происходит полное абстрагирование от био-онтологической специфики реальной мозговой активности. Кибернетический домен в ИНС де-факто остается первичным, а имитация синаптичности достигается за счет сетевого распределения цифровых «узлов», т. е. гилеморфического повторения структуры при полном отвлечении от содержания.

Расширенные версии натуралистического видения интеллекта. Ввиду указанных лимитов нейроцентризм подвергается широкомасштабной критике. Энактивистские и аутопоэтические подходы фиксируют недостаточность одного мозга для объяснения высокопорядковых ментальных феноменов, необходимость их вписывания в более широкие контексты. В том же направлении дрейфует и сфера когнитивных наук: «Система познавательных процессов человека все чаще выступает не как абстрактная “система переработки информации”, а как система функций, сложившихся в ходе эволюции и свойственных человеку, обладающему телом с определенными физическими характеристиками и вступающему во взаимодействие со средой» [28, с. 4–5]. Ключевая роль отводится «воплощенности» разума, его укорененности в теле, перманентном сообщении через него с окружением. Это доказывается посредством континуальности самого мозга, в котором высшие центры когнитивных функций буквально «прорастают» в более древние соматоориентированные системы, находясь с ними в плотной сети реципрокных связей: «Аппарат рациональности, традиционно считающийся неокортикальным, не работает без биологической регуляции, которая традиционно считается субкортикальной. Природа создала аппарат рациональности не просто сверху аппарата биологической регуляции, но из него и вместе с ним. Механизмы поведения, выходящие за рамки влечений и инстинктов, я полагаю, используют движение как вверх, так и вниз: неокортекс взаимодействует со старым стволом мозга, и рациональность является результатом их согласованной деятельности» [29, р. 128]. Чаще всего эмоционально-аффективная жизнь считается тем медиумом, который связывает интеллект с корпореальным измерением. На необходимость ее учета для объяснения интеллекта указывал Ж. Пиаже. В его теории интеллект неотделим от сенсорно-перцептивных, аффективных, локомоторных и кинестетических пластов психики и манифестирующих его поведение: «Интеллект – это определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсомоторных механизмов» [14, с. 10]. А. Дамасио полагает именно аффективно-эмоциональную сферу далеким эволюционным предшественником интеллекта и фиксирует ее ключевую роль как посредника в регуляции

тела и управлении поведением, характеризуя ее как «протосамость» [30]. Однако это не отменяет того, что именно когнитивный компонент остается ведущим. Он служит «гравитационным центром» для структурирования всех прочих способов опыта и взаимодействия со средой. Таким образом, натуралистические подходы к интеллекту, критикуя нейроцентризм, по большей части демонстрируют экстенсивное расширение исключительно в биологической плоскости. В итоге интеллект трактуется как высшая форма адаптации, венчающая и скрепляющая нижележащие приспособительные и гомеостатические контуры.

Натурализм напрямую не отрицает общество и культуру как значимые факторы формирования и существования интеллекта. А. Дамасио отмечает по этому поводу следующее: «Натурализация обладающей сознанием психики и ее закрепление в мозгу ничуть не преуменьшает роли культуры в формировании человеческого существа, не лишают человека достоинства... Культура возникает и развивается в результате коллективных усилий людей, наделенных мозгом... для создания культуры нужен мозг, уже оформленный под влиянием культуры в прошлом» [30, с. 42]. Однако в данном ракурсе социокультурное измерение упрощается, низводится до уровня системы негенетических адаптаций и трансляций опыта в случае широких версий натурализма либо до особой экстрацеребральной среды в случае нейроцентризма.

Подчеркивается генеалогическая связь культуры с нижележащими механизмами поведенческого взаимодействия. Во многом такое понимание обязано социобиологии. В ней узкое понимание биологического (его отождествление с генетическим) соседствует с расширительным пониманием социальности, позволяющей приписывать ее не только человеку: «Тысячи видов весьма социальны. Самые развитые составляют то, что я называю тремя вершинами социальной эволюции животных. Это кораллы, мшанки и другие колониеобразующие беспозвоночные; общественные насекомые, в том числе муравьи, осы, пчелы и термиты; общественные виды рыб, птиц и млекопитающих» [31, с. 47]. Однако на фоне других коллективных животных еще четче проступает уникальность человека, связанная с наличием высокого интеллекта у самих представителей коллектива. Отказываясь объяснять человеческий интеллект через его уникальную социальность, социобиология в итоге жестко привязывает его к мозгу. Он же в свою очередь есть законный продукт эволюции: «Ментальный процесс является результатом работы мозга, сформированного на наковальне природы молотом естественного отбора» [31, с. 16].

Таким образом, мозг, разум и культура (общество) рассматриваются как рядоположенные системы, находящиеся в «горизонтальных» отношениях интерактивного обмена, коэволюции и взаимного порождения. В. А. Бажанов обозначает такое видение как биокультурный со-конструктивизм [32]. Дальнейшая натуралистическая экстернализация мышления достигается уже за счет биологизации социокультурного измерения. В пределе возникает еще одна aberrация, трактующая общество по аналогии с мозгом (или шире, с организмом), уподобляющая индивидов нейронам (или шире, клетками). Зародившись еще в XIX в. в органической социологии Спенсера, эта идея получает новые версии. Ф. Хейлитген описывает рост социальной интеграции как становление глобального суперорганизма: «Поскольку общество представляет собой организмоподобную систему, состоящую из организмов (отдельных людей), его можно рассматривать как “суперорганизм”. Такие заметные тенденции, как глобализация, автоматизация и рост компьютерных сетей можно понимать как ас-

пекты общей эволюции в направлении повышения эффективности и взаимосвязанности, что делает суперорганизм все более устойчивым» [33, р. 108]. В другой работе он определяет современное сетевое общество как именно глобальный мозг. Оно «может выступать в роли мозга: принимать решения, решать проблемы, изучать новые связи и открывать новые идеи. Ни один человек, организация или машина не контролируют эту систему: ее знания и интеллект распределены по всем ее компонентам» [34, р. 274].

Таким образом, оба отчужденных модуса взгляда на интеллект оформились из-за целого ряда искажений, попутно обнаружив свое сходство и возможность существования гибридных форм. Почему стала возможной их широкая популярность? Ответ кроется в самой логике генезиса теорий интеллекта и когнитивной науки в целом. Ж. Пиаже писал: «Двойственная природа интеллекта, одновременно логическая и биологическая, – вот из чего нам следует исходить» [14, с. 6]. Истоком же когнитивной революции признается становление компьютерной метафоры сознания [35, с. 30]. Затем она дополнилась натурализмом, призванным объяснить генезис интеллекта как особой системы обработки информации и его воплощенность в высокоразвитых биосистемах.

Внутренняя социальность интеллекта и его коллективные формы. Понимание интеллекта как чисто когнитивного феномена всегда сопровождается угрозой его натуралистической или вычислительной редукции. Есть ли от нее теоретический иммунитет? Он состоит в развертывании интеллекта в социальной плоскости при условии ее видения в нередукционистской оптике. Она предполагает не «растворение» общества в природе, а наоборот качественное выделение из нее через признание за ним особого способа существования. Горизонтальная концепция связи природного и социокультурного должна быть обоснованно заменена на вертикальную, в которой оба измерения признаются значимыми для человека, но не равноценными, так как природное является необходимой, но недостаточной основой социокультурного. Концентрация исключительно на биологических основаниях уплощает картину. Напротив, акцент на социальности дает возможность построения многомерной теории человеческого интеллекта.

Основания для такого социоцентрического взгляда на интеллект можно найти в концепциях марксизма (в частности учение К. Маркса о general intellect, воплощенном в развитой системе машин, но де-факто являющимся совокупным продуктом мыслительной активности индивидов), учении Э. Дюркгейма о социальной солидарности и понятийном мышлении как совокупном продукте общества, не сводимом к потокам переживаний индивидов, культурно-исторической психологии и наследующей деятельностный подход в психологии (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лuria), гуманистического неофрейдизма (Э. Фромм), теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и т. д. Все они в разной степени преодолевают натурализацию человека, делая акцент на социальности, обуславливающей достижение обособленности человека от природы, возможность активного претворения в реальность своих целей и замыслов посредством ее активного преобразования. Показательным примером является коллективная интенциональность Дж. Серла, также подчеркивающая роль социальности, но не способная объяснить ее из-за натуралистической позиции автора: «Я убежден, что категория “других людей” играет особую роль в структуре нашего сознательного опыта, роль, отличающуюся от соответствую-

щей роли объектов и положений дел. И я также считаю, что эта способность придания специального статуса другим средоточиям сознания обоснована биологически и является фоновой предпосылкой для всех форм коллективной интенциональности. Но до сих пор я не знаю ни как доказывать эти утверждения, ни как анализировать социальный элемент в индивидуальном сознании» [22, с. 129].

В случае интеллекта к социоцентризму вплотную приблизился Пиаже, который связывал его с усложнением операционального взаимодействия человека с предметной реальностью. В его теории именно интеллект дает человеку автономию от средовых условий, позволяя не только приспособливаться к ним (аккомодация), но и осваивать, перерабатывать их физически или ментально (ассимиляция). Это достигается объединением различных когнитивных и иных психических и поведенческих процессов, повышением их гибкости и синхронности. Таким образом, интеллект де-факто всегда активен, он не запечатлевает реальность, а пытается ее изменить, сначала через сугубо внешние моторные акты, а затем через внутреннее оперирование понятиями и концептуальными схемами, использованием языка.

Описанная вертикальная субординация позволяет трактовать способ существования человека как высшую адаптацию только с биологического ракурса. С социального же человеческого бытие предстает принципиально эмерджентным, несводимым к адаптации, так как любая адаптация есть более или менее стихийно вырабатываемая «апостериорная» реакция на ситуацию и приспособление к ней. Человек же получает возможность модифицировать параметры своего окружения в том числе посредством интеллектуального предвидения ситуаций и тенденций, их опережающего отражения и перестройки. Реальная экстернализация интеллекта происходит в осознанном действии. Само же оно всегда фундировано социальностью. Это позволяет констатировать как внутреннюю социальность отдельных интеллектов, так и реальность их надындивидуальных, в пределе общечеловеческих форм: «Человеческий интеллект есть не просто интеллект отдельно взятых людей. Это – интеллект человечества, аккумулирующийся в языковой практике человечества, включая практику научного познания» [36, с. 15]. Индивидуальное и коллективное содержится в интеллекте нерасчлененным континуумом, так что «тенденция человеческих культур к обучению и развитию социальным образом подразумевает, что на практике все наши знания и интеллект являются, по крайней мере, в некоторой степени коллективными» [37, р. 179].

Однако остановиться на констатации коммуникативного измерения интеллекта недостаточно. Коллективное взаимодействие интеллектов – это не просто сетевой обмен знаниями и опытом, но прежде всего выстраивание общих целей и намерений, претворение их вовне посредством согласованных действий, совместного практисса. Коммуникация оказывается вплетенной в общее интеллектуальное действие субъектов, прежде всего в общий производящий процесс: «Следовало бы учитывать ту сторону General Intellect, когда вместо воплощения в систему машин он существует в качестве свойства живого Труда... общий интеллект представляет единое целое с кооперацией, с коллективным действием живого труда, с коммуникативной компетенцией индивидов» [38, с. 75].

Заключение. Для комплексного видения интеллекта как сущностно социального явления необходим сдвиг, позволяющий рассмотреть его как средство не только мышления и познания, но в первую очередь проектирования и созидания. Повторимся: трактовка интел-

лекта как исключительно когнитивного агента способствует его интернализации в отдельно взятом индивиде с угрозой последующей редукции биологического или логико-вычислительного плана. Трактовка же его в практикоориентированном ключе как средоточия человеческой социальности, ментального фундамента сообщения и совместного действия экстернализирует его нередукционистический образ, защищая от описанных симплификаций и закладывая основы для принципиального объяснения его надындивидуальных форм. Вместе с тем и коллективный интеллект может быть полноценно понят, только если удерживается внутренняя социальность интеллекта индивидуального. Иначе этот феномен также вполне может быть сведен до природного (колониальные формы жизни вплоть до наиболее примитивных) или вычислительного (сетевые и распределенные формы ИИ) порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Malabou C. *Morphing intelligence: from IQ measurement to artificial brains*. NY: Columbia Univ. Press, 2019.
2. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: Канон+, 2011.
3. Pfeifer R., Scheier C. *Understanding intelligence*. Cambridge: MIT Press, 1999.
4. Гиренок Ф. И. Почему сознание – это не интеллект? // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2023. Т. 47, № 2. С. 19–32. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-2-19-32.
5. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума / пер с англ. Н. Родман. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
6. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход / пер. с англ. К. Птицына. М.: Вильямс, 2007.
7. Dreyfus H., Dreyfus S. E. *Mind over machine*. NY: The Free Press, 1986.
8. Von Neumann J. *The computer and the brain*. Yale: Yale Univ. Press, 2012.
9. Churchland P. S., Sejnowski T. J. *The computational brain*. Cambridge: MIT Press, 2017.
10. Чалмерс Д. Сознающий Ум. В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. Васильева. М.: УРСС, 2019.
11. Патнэм Х. Философия сознания / пер. с англ. Л. Б. Макеевой и др. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
12. Pfeifer R., Bongard J. *How the body shapes the way we think: a new view of intelligence*. Cambridge: MIT Press, 2006.
13. Vnutschikh A., Komarov S. *Lebenswelt, Digital Phenomenology, and the Modification of Human Intelligence* // *Technology and Language*. 2024. Vol. 5, № 2 (15). P. 67–79. DOI: 10.48417/technolang. 2024.02.06.
14. Пиаже Ж. *Психология интеллекта* / пер. с фр. А. Пятигорского и др. СПб.: Питер, 2004.
15. Финн В. К. Искусственный интеллект: методология, применение, философия. М.: ЛЕНАНД, 2021.
16. Винер Н. *Кибернетика и общество* / пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2019.
17. Хомский Н., Бервик Р. *Человек говорящий. Эволюция и язык* / пер. с англ. С. Черникова. СПб.: Питер, 2021.
18. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2020.
19. Поппер К. *Объективное знание. Эволюционный подход* / пер. с англ. Д. Лахути. М.: УРСС, 2002.
20. Барышников П. Н. «Языковой барьер» в теориях сознания и ограничения вычислительного подхода // Философский журнал. 2024. Т. 17, № 2. С. 122–136. DOI: 10.21146/2072-0726-2024-17-2-122-136.

21. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / пер. с англ. А. Веретенникова. М.: Идея-Пресс, 2004.
22. Сёрл Дж. Открывая сознание заново/ пер. с англ. А. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.
23. Abraham T. H. (Physio)logical circuits: The intellectual origins of the McCulloch-Pitts neural networks // J. of the History of the Behavioral Sciences. 2002. Vol. 38. iss. 1. P. 3–25. DOI: 10.1002/jhbs.1094.
24. Lytton W. W. From computer to brain: Foundations of computational neuroscience. NY: Springer, 2007.
25. Vassallo M. et al. Problems of Connectionism // Philosophies. 2024. Vol. 9, №. 2: 41. DOI: 10.3390/philosophies9020041.
26. Kriegeskorte N. Deep neural networks: a new framework for modeling biological vision and brain information processing // Annual review of vision science. 2015. Vol. 1, №. 1. P. 417–446. DOI: 10.1146/annurev-vision-082114-035447.
27. LeDoux J. Synaptic self: How our brains become who we are. London: Penguin Books, 2003.
28. Фаликман М. В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластиичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 4–18.
29. Damasio A. Descartes Error: Emotion, Reason and the Human Brain. NY: Avon Books, 1995.
30. Дамасио А. Я. Мозг и возникновение сознания / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера-Пресс, 2018.
31. Уилсон Э. О. О природе человека / пер. с англ. Т. Новиковой. М.: Кучково поле, 2015.
32. Бажанов В. А. Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+, 2019.
33. Heylighen F. The Global Superorganism: an evolutionary-cybernetic model of the emerging network society // Social Evolution & History. 2007. Vol. 6, №. 1. P. 57–117.
34. Heylighen F. Conceptions of a Global Brain: an historical review // Evolution: Cosmic, biological, and social / eds. by L. F. Grinin et al. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House, 2011. P. 274–289.
35. Гершкович В. А., Фаликман М. В. Когнитивная психология в поисках себя // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5, № 4. С. 28–46.
36. Зиновьев А. А. Логический интеллект. М.: Канон+, 2024.
37. All intelligence is collective intelligence / F. J. Benjamin et al. // J. of Multiscale Neuroscience. 2023. Vol. 2, №. 1. P. 169–191. DOI: 10.56280/1564736810.
38. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни / пер. с итал. А. Петровой. М.: Ад Маргинем, 2013.

Информация об авторе.

Желнин Антон Игоревич – кандидат философских наук (2017), доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор более 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: интеллект, коллективный интеллект, философия сознания, логика, ее онтологические и эпистемологические основания.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.04.2025; принята после рецензирования 07.05.2025; опубликована онлайн 17.11.2025.

REFERENCES

1. Malabou, C. (2019), *Morphing intelligence: from IQ measurement to artificial brains*, Columbia Univ. Press, NY, USA.
2. Horkheimer, M. (2011), *Eclipse of Reason*, Transl. by Yudin, A., Kanon+, Moscow, RUS.

-
3. Pfeifer, R. and Scheier, C. (1999), *Understanding intelligence*, MIT Press, Cambridge, USA.
 4. Girenok, F.I. (2023), "Why consciousness is not an intelligence?", *Lomonosov Philosophy J.*, vol. 47, no. 2, pp. 19–32. DOI: 10.55959/MSU0201-7385-7-2023-2-19-32.
 5. Dreifus, H. (2010), *What Computers can't do: a critique of artificial reason*, Transl. by Rodman, N., LIBROKOM, Moscow, RUS.
 6. Russel, S. and Norvig, P. (2007), *Artificial Intelligence: a Modern Approach*, Transl. by Ptitsyn, K., Vil'yams, Moscow, RUS.
 7. Dreyfus, H. and Dreyfus, S.E. (1986), *Mind over Machine*, The Free Press, NY, USA.
 8. Von Neumann, J. (2012), *The Computer and the Brain*, Yale Univ. Press, Yale, USA.
 9. Churchland, P.S. and Sejnowski, T.J. (2017), *The Computational Brain*, MIT Press, Cambridge, USA.
 10. Chalmers, D. (2019), *The Conscious Mind: In Search a Fundamental Theory*, Transl. by Vasil'ev, V., URSS, Moscow, RUS.
 11. Putnem, H. (1999), *Philosophical Papers*, Transl. by Makeeva, L. et al., Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS.
 12. Pfeifer, R. and Bongard, J. (2006), *How the body shapes the way we think: a new view of intelligence*, MIT Press, Cambridge, USA.
 13. Vnutskikh, A. and Komarov, S. (2024), "Lebenswelt, Digital Phenomenology, and the Modification of Human Intelligence", *Technology and Language*, vol. 5, no. 2, pp. 67–79. DOI: 10.48417/technolang.2024.02.06.
 14. Piaget, J. (2004), *La psychologie de l'intelligence*, Transl. by Pyatigorskiy, A. et al., Piter, SPb., RUS.
 15. Finn, V.K. (2021), *Artificial Intelligence: methodology, applications, philosophy*, LENAND, Moscow, RUS.
 16. Viner, N. (2019), *Cybernetics and Society*, Transl. by Zhelninov, V., AST, Moscow, RUS.
 17. Chomsky, N. and Berwick, R. (2021), *Why only us: Language and Evolution*, Transl. by Chernikov, S., Piter, SPb., RUS.
 18. Wittgenstein, L. (2020), *Tractatus Logico-Philosophicus*, Transl. by Dobrosel'skiy, L., AST, Moscow, RUS.
 19. Popper, K. (2002), *Objective Knowledge: an Evolutionary Approach*, Transl. by Lakhuti, D., URSS, Moscow, RUS.
 20. Baryshnikov, P.N. (2024), ""Language barrier" in theories of consciousness and limits of computational approach", *Philosophy J.*, vol. 17, no. 2, pp. 122–136. DOI: 10.21146/2072-0726-2024-17-2-122-136.
 21. Dennett, D. (2004), *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness*, Transl. by Veretennikov, A., Ideya-Press, Moscow, RUS.
 22. Searle, J. (2002), *A Re-Discovery of the Mind*, Transl. by Gryaznov, A., Ideya-Press, Moscow, RUS.
 23. Abraham, T.H. (2002), "(Physio)logical circuits: The intellectual origins of the McCulloch-Pitts neural networks", *J. of the History of the Behavioral Sciences*, vol. 38, iss. 1, pp. 3–25. DOI: 10.1002/jhbs.1094.
 24. Lytton, W.W. (2007), *From computer to brain: Foundations of computational neuroscience*, Springer, NY, USA.
 25. Vassallo, M. et al. (2024), "Problems of Connectionism", *Philosophies*, vol. 9, no. 2: 41. DOI: 10.3390/philosophies9020041.
 26. Kriegeskorte, N. (2015), "Deep neural networks: a new framework for modeling bio-logical vision and brain information processing", *Annual review of vision science*, vol. 1, no. 1, pp. 417–446. DOI: 10.1146/annurev-vision-082114-035447.
 27. LeDoux, J. (2003), *Synaptic self: How our brains become who we are*, Penguin Books, London, UK.
 28. Falikman, M.V. and Koul, M. (2014), "Cultural revolution" in cognitive science: from neural plasticity to genetic mechanism of cultural experience's acquiring", *Cultural-Historical Psychology*, vol. 10, no. 3, pp. 4–18.

-
29. Damasio, A. (1995), *Descartes Error: Emotion, Reason and the Human Brain*, Avon Books, NY, USA.
30. Damasio, A. (2018), *Self comes to Mind. Constructing the Conscious Brain*, Transl. by Yushchenko, I., Kar'era-Press, Moscow, RUS.
31. Wilson, E.O. (2015), *On Human Nature*, Transl. by Novikova, T., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
32. Bazhanov, V.A. (2019), *Mozg – kul'tura – sotsium: Kantianskaya programma v kognitivnykh issledovaniyah* [Brain – culture – society: Kantianian programm in cognitive research], Kanon+, Moscow, RUS.
33. Heylighen, F. (2007), "The Global Superorganism: an evolutionary-cybernetic model of the emerging network society", *Social Evolution & History*, vol. 6, no. 1, pp. 57–117.
34. Heylighen, F. (2011), "Conceptions of a Global Brain: an historical review", *Evolution: Cosmic, biological, and social*, eds. by Grinin, L.F. et al., 'Uchitel' Publishing House, Volgograd, RUS, pp. 274–289.
35. Gershkovich, V.A. and Falikman, M.V. (2018), "Cognitive Psychology in a Search of Self", *The Russian J. of Cognitive Science*, vol. 5, iss. 4, pp. 28–46.
36. Zinov'ev, A.A. (2024), *Logicheskii intellekt* [Logical Intelligence], Kanon+, Moscow, RUS.
37. Benjamin, F.J. et al. (2023), "All intelligence is collective intelligence", *J. of Multiscale Neuroscience*, vol. 2, no. 1, pp. 169–191. DOI: 10.56280/1564736810.
38. Virno, P. (2013), *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*, Transl. by Petrova, A., Ad Marginem, Moscow, RUS.

Information about the author.

Anton I. Zhelnin – Can. Sci. (Philosophy, 2017), Associate Professor at the Department of Philosophy, Perm State National Research University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: intelligence, collective intelligence, philosophy of consciousness, logic, its ontological and epistemological foundations

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.04.2025; adopted after review 07.05.2025; published online 17.11.2025.